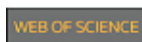

Амоголонова Д. Д. Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии / Д. Д. Амоголонова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 381—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-381-399.

Amogolonova, D. D. (2021). Buddhist Traditional Sangha of Russia in Socio-Cultural Processes Modern Buryatia. *Nauchnyi dialog*, 7: 381-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-381-399. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-381-399

Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии

Амоголонова Дарима Дашиевна
orcid.org/0000-0002-1176-4095
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела философии, культурологии
и религиоведения
amog@inbox.ru

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено по гранту
Российского научного фонда 21-18-
00074 «Миры махаянского буддизма
в контексте мировых цивилизационных
процессов»

Buddhist Traditional Sangha of Russia in Socio-Cultural Processes Modern Buryatia

Darima D. Amogolonova
orcid.org/0000-0002-1176-4095
Doctor of History, Leading Researcher
Department of Philosophy,
Cultural Studies
and Religious Studies
amog@inbox.ru

The Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out under
the grant of the Russian Science
Foundation 21-18-00074 “Worlds
of Mahayana Buddhism in the context
of world civilizational processes”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается на примере буддизма в Бурятии проблема постсоветского возвращения религии с периферии в центр социокультурных процессов. Доказывается, что современная десекуляризация в России подразумевает не только изменения в общественном и индивидуальном сознании, но и новую роль религиозных институтов в социальной жизни, что означает их секуляризацию в значении активного участия духовенства в разнообразных мирских практиках, включая сферы экономики, политики и идеологии. Уделяется внимание идентификационной роли религии на основании определения буддизма в качестве основного культурного маркера региона, способствующего формированию территориального культурного текста, причастность к которому ощущают все жители республики, вне зависимости от декларируемой религиозности. На основании многолетних исследований автор анализирует качественные изменения в деятельности Буддийской традиционной Сангхи России, нацеленной на защиту бурятской культуры и традиционной экономики, что заставляет ее вступать и в диалог, и в конфронтацию со светскими властями республики. Отмечается, что в условиях высокой секуляризации общественного и индивидуального сознания Хамбо лама и другие священнослужители видят свою задачу в одухотворении повседневных практик через сохранение социальной основы буддизма, представленной сельскими бурятами.

Ключевые слова:

буддизм в России; религиозное возрождение; буряты; десекуляризация; Буддийская традиционная Сангха России.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Using the example of Buddhism in Buryatia, the article examines the problem of the post-Soviet return of religion from the periphery to the center of socio-cultural processes. It is noted that this means their secularization in the sense of the active participation of the clergy in a variety of secular practices, including the spheres of economics, politics and ideology. The author pays attention to the identification role of religion, based on the definition of Buddhism as the main cultural marker of the region, contributing to the formation of a territorial cultural text, the involvement in which is felt by all residents of the republic, regardless of the declared religiosity. Based on many years of research, the author analyzes the qualitative changes in the activities of the Buddhist traditional Sangha of Russia, aimed at protecting the Buryat culture and traditional economy, which makes it enter into both dialogue and confrontation with the secular authorities of the republic. It is shown that in the conditions of high secularization of social and individual consciousness, the Khambo Lama and other clergymen see their task in the spiritualization of everyday practices through the preservation of the social basis of Buddhism, represented by rural Buryats.

Key words:

Buddhism in Russia; religious revival; Buryats; desecularization; Buddhist Traditional Sangha of Russia.

Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии

© Амоглонова Д. Д., 2021

1. Введение

Современное возрождение буддизма в Бурятии началось еще в период перестройки в СССР и продолжается до настоящего времени. Разнообразные факторы и феномены, связанные с буддизмом, являются интересной и актуальной темой, привлекающей ученых различных специальностей, использующих разные материалы и методологические подходы. Так, этнограф С. Г. Жамбалова на основе полевых материалов проанализировала практики современного народного буддизма у бурят (по аналогии с народным православием) как возвращение последних к традициям дореволюционной эпохи и пришла к выводу, что с учетом изменений в образе жизни и ментальности буддисты-миряне все же сохраняют и даже развивают традиционную религиозность [Жамбалова, 2011].

Социологи рассматривают динамику изменений численности лиц, идентифицирующих себя как буддистов, и приходят к выводу о несомненном влиянии на эти процессы этнокультурной идеологии [Манзанов, 2012]. В работах социолога Т. Б. Бадмацыренова выявлен интересный феномен разделения верующих на две неравные группы — прихожан и мирян. Первых значительно больше, они являются социальной базой Буддийской традиционной Сангхи России (БТСР), тогда как миряне — это последователи буддийских учителей вне БТСР, поскольку они ориентируются не на обрядовые практики, а на постижение буддийской философии (примечательно, что во второй группе буряты составляют меньшинство) [Бадмацыренов и др., 2020; Буддизм ..., 2016]. Психолог В. С. Мухина ставит своей целью исследование личности («Я») в соответствии с философско-мировоззренческими основами буддизма в Бурятии. На основании бесед с бурятскими учеными-ламами она приходит к выводу об их глубоких познаниях в области буддийской психологии и способности оказывать влияние на духовную жизнь населения Бурятии [Мухина, 2010]. Историк Ц. П. Ванчикова исследовала интересную тему проживания и деятельности в Бурятии тибетских буддийских учителей начиная со времени существования Российской империи и до настоящего. Приехавшие в Бурятию в 1990-е годы тибетцы, считает автор, сыграли важную роль в восстановлении буддийского образования и монастырского уклада, во многом утра-

ченных за советский период [Ванчикова, 2012]. Религиовед Л. Л. Абаева изучила историю становления буддизма в Бурятии в XVII—XIX веках и роль выдающихся буддийских деятелей в распространении и укреплении буддийского вероучения среди бурят [Абаева, 2015].

Отдельной темой, связанной с современным состоянием буддизма в Бурятии, является его значимость в бурятской постсоветской этнокультурной мобилизации в контексте происходящего на всем постсоветском пространстве этнического возрождения. Становлению буддизма как национальной религии бурят, а также политизации религии вследствие идеологизации культуры посвящено немало научных трудов, в том числе и написанных автором данной статьи лично и в соавторстве с коллегами [Амоголонова и др., 2005; Амоголонова, 2008].

Объектами нашего научного интереса стали также проблемы банальной религиозности на материалах практик буддизма и православия в Бурятии, политических аспектов продвижения идеи автокефалии бурятского буддизма, становления буддийской Сангхи в качестве главной буддийской организации России, участия Сангхи в светской деятельности, включая борьбу за сохранение бурятского языка, этнонациональных видов спорта и традиционных для бурят способов хозяйствования [Амоголонова, 2013; Амоголонова, 2015; Amogolonova, 2019].

В настоящей статье рассматриваются проблемы, которые еще не становились предметом научного анализа. Объектом обсуждения выступили две основные темы, связанные с участием Буддийской традиционной Сангхи России в социокультурных процессах современной Бурятии, а именно: конфликт БТСР с буддийскими общинами вне Сангхи, возглавляемыми как бурятскими ламами, так и тибетскими священнослужителями, действующими в республике. По нашему мнению, такие конфликты обусловлены разными, но взаимосвязанными факторами, среди которых конкуренция в сфере религиозных практик, стремление руководства Сангхи минимизировать влияние иных буддийских общин на бурятское население, попытки создания автокефального «бурятского буддизма», независимого от тибетского влияния. Кроме того, в статье обсуждается конфликтная ситуация, сложившаяся в отношениях между Сангхой и руководством республики в вопросах материальной поддержки сельского населения как социальной базы буддийской духовности и главного хранителя бурятской этничности и идентичности. Обе эти темы, характеризующие, во-первых, сложность сосуществования разных буддийских общин в бурятском духовном пространстве и, во-вторых, доминирование секулярных тенденций в общественной деятельности БТСР, обсуждаются в научном дискурсе впервые, что и определяет новизну данного исследования.

2. Буддийское возрождение в Бурятии: десекуляризация общества — секуляризация церкви

Буддийское возрождение в России является частью процессов десекуляризации в постсоветском пространстве, а потому имеет множество общих характеристик с практикой существования православия и других религий. Наиболее манифестными проявлениями религиозного возрождения являются признание государством вины советской власти за гонения на религию, широкое восстановление старых и строительство новых культовых сооружений, проявление со стороны светских властей уважения к религиозным деятелям и в целом возвращение религии с периферии в центр социокультурных процессов и практик. Латентные проявления десекуляризации не менее важны, поскольку включают в себя внедрение в общественное и индивидуальное сознание идеологических парадигм, касающихся значимости религии в национально-культурной идентификации и в сохранении исторической памяти. Одновременно десекуляризация в разных этнических общностях имеет особенности, характеризующие отношение конкретной этнической группы к своему государству, к другим государствам и этнокультурным группам внутри своей страны и за ее пределами.

Бурятская этническая мобилизация, порожденная крахом советской идеологии и коренным пересмотром групповых ценностных установок, включала в себя политизацию религии с конца 1980-х и вплоть до начала 2000-х годов. Этнические лидеры активно обсуждали тему национальной духовной основы, служащей целям интеграции и сплочения. Такую роль стали отводить либо буддизму, либо шаманизму, причем шаманизм в такой конкуренции проигрывал в силу своего родового, то есть дифференцирующего, характера, препятствующего национальному возрождению и единству. А буддизм в полной мере отвечал задачам возрождения исторической этнокультурной памяти, в том числе и в распространении популярной идеи об общности монгольских народов. Тем не менее буддизм и шаманизм стали пропагандироваться и восприниматься как общая основа этнонациональной культуры, чему способствовал укоренившийся за несколько веков буддийско-шаманистский синкретизм. О тех, кто в новых условиях последних лет существования СССР и в начале постсоветского периода стремился занять лидерские позиции в возрождении и упрочении политизированной бурятской этничности, известный ученый К. М. Герасимова иронично писала так: «Сегодня бывшие “заядлые” атеисты уповают на религию и бога и даже на шаманов так же слепо и безоглядно, как на коммунистическую партию, ее идеологов и генсеков. Более того, бессознательно отождествляют религию и культуру, верят в нарастающий приоритет религии в культуре и политике. Как будто ценности светской культуры не имеют значения в духовном вос-

питании личности, атеист не может быть порядочным человеком, а порядочный человек интеллектуально не может и не должен быть свободным ... Это движение к средневековью, где не было свободы выбора духовных ценностей личности» [Герасимова, 1995, с. 49—50].

Этнонациональная идеология, предлагавшаяся бурятской интеллектуальной элитой, находила сочувствие и поддержку среди бурятского населения, особенно городского, где деятельность политических организаций на этнической основе и пропаганда через СМИ были особенно активными. При этом в 1990-е годы, то есть в период всплеска этнополитической мобилизации, число лиц, называвших себя буддистами, росло не столь стремительно. Хотя свобода совести способствовала началу масштабной десекуляризации общественного и индивидуального сознания россиян, в том числе и бурят, многие из них называли себя просто верящими в Бога и сверхъестественные силы [Бильтрикова, 2001, с. 74].

Религиозное возрождение в смысле идентификации себя в качестве последователя определенной конфессии, обязательное регулярное или окказиональное посещение храмов и участие в культовых действиях приходится в Бурятии главным образом на начало XXI века. Примечательно, что к этому времени этничность утрачивает эксплицитные политические коннотации, а этнонациональная идеология выходит из политической моды во всей стране. И хотя религиозная принадлежность латентно содержит в себе этнодифференцирующий компонент, все же интерес к религии имеет под собой иную основу, а именно устойчивое изменение в мировоззренческих установках, когда преобладающее светское сознание непротиворечиво включает в себя религиозно-мифологическую картину мира. Безусловно, предшествующий период этнической мобилизации способствовал постулированию идей о врожденной родовой религии («я — бурят, это значит, я — буддист»), однако это стало лишь отправной точкой в религиозной самоидентификации. Большую роль играла общая атмосфера деатеизации общественного сознания, в результате чего число лиц, называющих себя неверующими или атеистами, снизилось почти до дореволюционного уровня.

С начала 2000-х годов подавляющее большинство бурят называют себя верующими буддистами: согласно социологическим опросам, проведенным в нулевых годах, среди бурят-горожан совокупное число верующих и склоняющихся к вере составляло около 90 % (женщины — 96,4 %, мужчины — 79,6 %) [Вопросы ..., 2010, с. 48]. Сложный вопрос о религиозной вере в буддизме решается для большинства бурятских буддистов в пользу обрядовых практик, позволяющих накапливать заслуги и обеспечивать благую карму, тогда как собственно буддийская сотериология, отличающаяся развитой философской аргументацией, понимается как учение о Трех При-

бежищах («к Будде я прибегаю, к Дхарме я прибегаю, к Сангхе я прибегаю») и как нравственное поведение. В вопросе накопления кармической добродетели рядовые верующие ориентируются главным образом на текущее, а не грядущие перерождения. Значимость церковной организации при этом состоит в важности для прихожан посещать дацаны и дуганы, присутствовать при молебнах, совершать подношения и слушать наставления монахов-лам, которые берут на себя задачу указания путей к благому поведению.

Поэтому организационная церковная система и почитание учителя обеспечивают верующим реально или номинально представление об их буддийской принадлежности и правильном религиозном поведении даже при поверхностных знаниях о сущности буддийской религии и культуры. Зато обрядовая составляющая в настоящее время стала реальной частью социальных и индивидуальных культурных действий, причем посещение дацанов и дуганов хотя бы несколько раз в год теперь характеризует подавляющее большинство бурят, которые за годы религиозного возрождения научились правилам проведения обрядов. Так, теперь даже совсем юные прихожане без труда совершают в дацанах «простиранья телом», посредством которых достигается очищение от дурных поступков и испрашивание желаемого. При этом большинство верующих, во-первых, не следуют таким правилам, как чтение религиозной литературы, соблюдение постов, помощь бедным и т. д., во-вторых, не владеют знаниями о буддийской догматике: например, испытывают затруднения при перечислении белых добродетелей и черных грехов, то есть того, что в традиционной культуре было известно любому человеку, даже ребенку. Выполнение обрядов в храме и дома с приглашенным ламой понимается как главное условие накопления добродетелей.

Понятно, что в таких условиях личная религиозность подчиняется институализированной религии с ее строгой иерархией. Нынешняя ситуация напоминает ситуацию в имперской России. Начиная с XVIII века буддизм среди бурят строится иерархически и без связи с другими буддизмами России. В точности так же в настоящее время Буддийская традиционная Сангха России является бурятской организацией и не охватывает калмыцкие и тувинские буддийские общины, зато распространяет свое влияние на буддистов во многих городах вне этнической Бурятии, включая Москву и Санкт-Петербург.

БТСР, выросшая из советского ЦДУБ — Центральное Духовное Управление Буддистов СССР, — с самого начала подразумевалась как организация взаимодействия с властями и объединения бурят в единую (в идеале — единственную) буддийскую общину. Бессменный с 1995 года руководитель БТСР — Хамбо лама Дамба Аюшеев — приложил все усилия для укрепления позиций своей организации и своего личного авторитета. Представля-

ется справедливым предположить, что именно цели достижения Сангхой более высокого статуса, чем всего лишь религиозного объединения этнического меньшинства, подвигло Хамбо ламу на внедрение в бурятское общественное сознание идеи о том, что бурятский буддизм как особая ветвь Махаяны всегда существовал независимо от тибетского и монгольского буддизма: «Буряты получили буддизм от Дамба Даржа Заяева, а он, в свою очередь, получил его в первом своем рождении от Будды Кашьяпы, а во втором — от Будды Шакьямуни! Запомните это!» [Хамбо лама XXIV, 2013, с. 14]. Эта более чем спорная идея нашла одобрение в среде верующих. Этническая пропаганда религиозного лидера упала на плодородную почву бурятской этнонациональной гордости, обеспечив Хамбо ламе и Сангхе массовую поддержку. В последние годы уже более 60 процентов бурят-буддистов называют себя последователями бурятского буддизма, хотя, безусловно, уважение к Далай-ламе сохраняется [Буддизм ..., 2016, с. 70].

Объясняя свои воззрения, Хамбо лама прибегает к самым простым, мирским объяснениям. С его точки зрения, задачи буддийской церкви состоят в помощи людям. А материальную составляющую этой помощи оказывает, считает он, российское государство и главным образом президент страны: «Кто меня кормит-то, кто моим старикам деньги дает — иностранный большой лама или президент страны?» [Андреева, 2013, с. 53]. Следуя такой логике, буддизм в Бурятии — это бурятский буддизм, встроенный в структуру российского государства и его идеологии. Именно в этом ключе выстраиваются отношения Сангхи со светской властью.

Стоит вспомнить, что еще в имперский период истории руководство бурятской буддийской общины накопило значительный опыт взаимодействия с государством, успешно адаптируясь к запретительному законодательству. Этот опыт используется и в настоящее время, когда Сангха заняла позицию главной буддийской организации России, а руководитель БТСР Хамбо лама Аюшеев вошел в число признанных и влиятельных духовно-религиозных авторитетов в стране. Добрые отношения с государством строятся на изъявлениях преданности властям, а первые лица государства в свою очередь отвечают моральной и материальной поддержкой Сангхе. Стоит упомянуть немаловажный факт, способствовавший укреплению позиций Хамбо ламы: в 2002 году по инициативе Хамбо ламы Аюшеева состоялась экспедиция по поискам саркофага Хамбо ламы Итигэлова, чье *Возвращение* стало мировой сенсацией, а среди тех, кто совершает к нему паломничество, немало высоких московских чиновников, включая В. В. Путина и Д. А. Медведева.

Несмотря на значительное сходство в организационной структуре и положении Сангхи в имперский и современный периоды, все же есть и

различия. Современный статус Хамбо ламы по сравнению с его статусом в имперские и советские времена более независим и влиятелен, особенно на региональном уровне. В первые постсоветские годы происходило становление буддийской религии в Бурятии в новых условиях, что касалось обновленного содержания деятельности, поисков принципов существования общины, организационной структуры, взаимоотношений буддизма с государством. Неслучайно в короткий период с 1989 по 1995 годы пост Хамбо ламы занимали три священнослужителя, каждый из которых находился у власти один, два и три года. Дамба Аюшеев, избранный на эту должность на альтернативной основе в 1995 году, приложил большие усилия для укрепления организационной целостности Сангхи. С этой целью он существенно изменил Устав, который закрепил его позиции как первого лица общины, наделенного большими полномочиями, поскольку теперь Пандито Хамбо лама «без доверенности действует от имени Сангхи России, представляет ее во всех учреждениях, предприятиях и организациях, открывает в банках расчетный и другие счета, выдает доверенности, распоряжается денежными средствами в соответствии с утвержденным бюджетом» [История буддизма ..., 2011, с. 335]. Выборы Хамбо ламы осуществляются на съезде (Сугунды) представителей буддийского духовенства и верующих мирян, а Хамбо лама назначает Дид Хамбо лам (заместителей Хамбо ламы), Ширээтэ лам (настоятелей), председателей буддийских общин. Так Хамбо лама обеспечил себе несменяемость в должности и одновременно устойчивость в руководстве общины, поскольку теперь в ней нет какой-либо оппозиции или плюрализма взглядов.

Хотя БТСР является крупнейшим буддийским объединением России, даже в Бурятии существует около тридцати буддийских общин, входящих в состав не БТСР, а семи иных централизованных буддийских религиозных организаций. Кроме того, в Бурятии действуют независимые общины и священнослужители [Бадмацыренов и др., 2020, с. 65].

Стороннему наблюдателю непросто понять, как складываются отношения Сангхи с другими буддийскими организациями. Однако даже сообщения в местных СМИ, особенно в интернет-изданиях, дают возможность заключить, что эти отношения являются конфликтными. История неприятия официальной буддийской церковью буддийских проповедников из других стран уходит далеко в прошлое. Более ста лет назад Пандито Хамбо лама Иролтуев использовал административный ресурс для недопущения приезда в Забайкалье тибетских и тангутских лам без разрешения Хамбо ламы, для чего обращался к Иркутскому генерал-губернатору с просьбой издать соответствующие указания, препятствующие эксплуатации бурят [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 426, л. 12].

В настоящее время неодобрение деятельности иностранных лам принимает открытые формы, хотя сами тибетские ламы никогда не выступают против Сангхи. И раньше, и сейчас речь идет о конкуренции в духовном пространстве, в которой финансовые вопросы играют не последнюю роль. Конфликт, выявивший явное противостояние Сангхи и буддийского центра «Ринпоче Багша», основанного тибетским ламой-перерожденцем Еше Лодой Ринпоче, связан с освящением 33-метровой статуи Будды Шакьямуни, высеченной на скале Баян-Хонгор в Хоринском районе республики. В церемонии *рамней* (освящения) приняли участие несколько тысяч верующих из разных районов Бурятии и из города Улан-Удэ. Скальная статуя, которая уже несколько лет является объектом религиозного паломничества, может стать привлекательным местом для туризма, а эта тема очень важна для руководящих лиц республики, занимающихся разработкой туристических маршрутов, поскольку Бурятия считается и реально является центром российского буддизма, познакомиться с которым изъявляют желание и россияне, и иностранцы. В таком контексте для БТСР включение данного объекта в сферу деятельности Анинского дацана и проведение здесь молебнов ламами БТСР является по меньшей мере вопросом престижа и немаловажной победой в конкурентной борьбе с центром «Ринпоче Багша». Что касается статуй Будды, то наиболее известной является Зандан Жуу (Сандаловый Будда), по преданию, единственная прижизненная статуя Учителя, находящаяся в Эгитуйском дацане «Дамчой Равжелинг» (БТСР), в Еравнинском районе Бурятии, в 250 км от Улан-Удэ. В настоящее время на территории Улан-Удэ, в дацане «Хамбын Хурэ», ведется строительство Дворца Арьябалы (Авалокитешвары), где будет находиться статуя божества высотой 21 метр, выполненная из кедра. Таким образом, эта статуя значительно превысит в размерах статую Будды Майтрейи в Калмыкии и станет местом паломничества и туристическим объектом.

Конфликтные отношения у Сангхи сложились не только с тибетскими учителями, но и с бурятскими ламами, практикующими вне БТСР. К их числу относится, например, бывший Хамбо лама Кенсур Чой-Доржи Будаев, который покинул Сангху в 1995 году, проиграв выборы Дамбе Аюшееву, и основал независимую буддийскую общину «Ламрим». На строительство своего дацана он взял кредит в банке, вернуть долг не сумел, и в 2017 году храм выставили на продажу. Когда Хамбо ламу спросили об этом беспрецедентном событии, он не стал обсуждать религиозный аспект продажи культового сооружения, но заметил, что продаваемый объект — это не дацан, а место, где всего лишь располагается религиозная община; то же самое, считает Хамбо, относится и к «Ринпоче Багша», который является тибетским культурным центром и ничем иным [Махачкеев, 2017].

Таким образом, Хамбо снял все вопросы относительно своего бездействия в отношении беспрецедентной продажи религиозного сооружения. Стоит отметить, что конфликт между Главой Сангхи и основателем общины «Ламрим» носит как организационный, так и личный характер. Кенсур Чой-Доржи Будаев в интервью обвиняет Хамбо в плохом управлении и нежелании приносить пользу людям: «У нас ведь как в Бурятии — нельзя подвергнуть сомнению высказывание Хамбо ламы. И многие вещи не обсуждаются, хотя давно бы пора нам, буддистам, высказаться по многим вопросам» [Родионов, 2014]. Например, Ч.-Д. Будаев полагает, что за годы после создания Института Пандито Хамбо ламы Итигэлова Иволгинский дацан, согласно официальным данным, посетило около 3 млн человек. Каждый из них делал подношения, тем более что многие из гостей — это руководители страны и крупнейших корпораций. Даже и простые прихожане обязательно делают денежные подношения, что является традицией. По подсчетам Ч.-Д. Будаева, БТСР собрала не менее 1,5 млрд рублей. Однако при этом «... куда идут средства, которые Сангхе жертвуют люди? Что-то не слышал о воскресных школах, помощи детям, женским приютам, больницам, бесплатных кухнях для бездомных, что я наблюдаю в благотворительной деятельности Улан-Удэнской и Бурятской епархии РПЦ. Если же мы получаем большие пожертвования, то почему мы сами не столь последовательны на пути Бодхисаттв — материальном даянии людям, облегчении их страданий? Или в строительстве больших и красивых дацанов, помощи хуvaraкам, обучающимся в тяжелых климатических и материальных условиях в Индии?» [Там же].

3. «Голодный бурят не думает о Будде»: участие БТСР в светских практиках как проявление социальной ответственности религиозных институтов

Обвинения в адрес Сангхи и ее лидера поступают также и со стороны мирян. Суть недовольства состоит в том, что религиозный деятель все же в первую очередь должен заниматься духовным просвещением людей на пути к религиозному спасению, а не мирскими, то есть сансарными, делами, включая политическую деятельность и участие в конфликтах со светскими властями. На такого рода обвинения Сангха отвечает с позиции обязанности буддийского духовенства помогать людям всеми возможными способами. Шэрээтэ Сартул-Гэгэтуйского дацана лама Аркадий Чойдонов парирует: «Куда ни глянь, все только и мечтают уехать из Бурятии. Завтра не то что в бурятской деревне, в Улан-Удэ никого не останется! Почему уезжают? Нечем накормить детей, снарядить их в школу, нечем платить кредиты. Желание сангхи помочь исправить эту ситуацию называют сан-

сарным умом? Просить 30 млн руб. для создания рабочих мест, для создания завода, куда овцеводы могут сдавать шерсть, — это сансарный ум?» [Приймак, 2019, с. 1].

Противостояние между БТСР и властью временами приобретает очень выраженные формы. Это касается не только вопроса о том, что глава республики отказывается признавать за Сангхой роль единственной легитимной буддийской общины, но и весьма актуальной проблемы поддержки инициатив Хамбо лама в области возрождения бурятского сельского хозяйства и удержания сельского населения в деревнях. На все это необходимы немалые денежные средства, которые Хамбо лама приобретает посредством государственной поддержки из Москвы и Дальневосточного федерального округа, в котором Бурятия состоит с 2018 года, и предполагает, что руководство республики обязано выделять денежную помощь из бюджета.

Важно отметить, что Хамбо лама действует в направлении укрепления позиции Сангхи и своего личного авторитета на российском уровне. Став во главе буддийской общины, претендующей на автокефальность, Хамбо лама, несмотря на немногочисленность своей паствы по сравнению с православной общиной, полагает, что его личный статус соотносим с положением Патриарха Кирилла, главы Русского Православия. При этом нет сомнений, что, хотя личные амбиции Хамбо лама играют определенную роль, все же он руководствуется главным образом прагматическими целями, осознавая, что, как глава крупнейшей буддийской общины России, имеет право и возможность решать проблемы на более высоком уровне, нежели в локальных границах Бурятии. Заручившись поддержкой Москвы при представлении своих инициатив по возрождению бурятского села, Хамбо счел, что для исполнительной власти республики социально-экономические проекты Сангхи являются приоритетными, а потому недопустимо, что руководство республики не выделяет достаточных средств на возрождение бурятского овцеводства и бурятских промыслов, несмотря на обещания. Создание условий для увеличения поголовья скота и, следовательно, для заинтересованности людей в проживании и работе в сельской местности — это действительно единственный путь, чтобы буряты не стали исключительно «городским этносом». Хамбо лама сформулировал задачу сохранения прихожан-буддистов в деревнях путем обеспечения их работой и доходами: «В селе, где в основном и расположены буддийские дацаны, без овечьей отары достойной жизни не будет. Одно только пьянство, драки да воровство. Отказываясь от привычного для нас питания, мы отказываемся не только от традиций — от самой жизни» [Хамбо лама XXIV, 2013, с. 33]. Религиозный аспект проблемы Хамбо лама формулирует так: «Голодный бурят не думает о Будде» [Хамбо лама ..., 2017].

Разъясняя причины конфронтации с исполнительной властью, Хамбо лама указывает, что глава республики и зампред правительства по социальной политике обещали выделить Сангхе деньги в сумме 30 млн руб. на проект возрождения бурятского села, но не сдержали слова: «Свершению великих, благих дел всегда пытаются помешать нечистые силы ... Этих двух ... я на порог дацана не пушу. Они опозорили свое имя. Я им говорил, что тридцать миллионов рублей необходимы для покупки прядильного оборудования, чтобы помочь людям, занимающимся овцеводством, перерабатывать шерсть в пряжу. Но до этих двух ... начальников не дошло. Для этих двух ... отныне закрыты двери в Иволгинский и все другие дацаны» [Хамбо лама о главе Бурятии ..., 2019].

Позиция руководителя республики заслуживает понимания: несмотря на социальную направленность проектов Сангхи, все же помогать лишь одной религиозной общине в поликонфессиональном сообществе было бы чревато конфликтами, особенно если учесть, что Бурятия — дотационный субъект РФ и большими средствами не располагает. Тем не менее правительство заявляет, что высоко ценит усилия Сангхи по поддержке бурятского села путем создания социальных отар, которые бесплатно раздаются семьям, по сохранению бурятского языка и возрождению традиционных видов спорта, на что из республиканского бюджета целевым назначением выделяются средства, которых, по мнению Хамбо, совершенно недостаточно.

Противостояние с исполнительной властью дополняется еще и явным желанием главы республики Алексея Цыденова поддерживать хорошие отношения не только с Сангхой, но и с тибетским буддийским центром, что не может не задевать чувств Хамбо ламы. При первом визите Цыденова в Иволгинский дацан еще в должности врио он получил от Хамбо некоторые наставления о приличествующем поведении в отношении религиозных организаций, а именно о недопустимости посещения им тибетского центра «Ринпоче Багша». Однако А. С. Цыденов неоднократно посещал этот центр, а также принимал высоких официальных гостей Бурятии в ресторане при нем. Свое недовольство Хамбо выразил на своей странице в Facebook: «Говорят, что на Лысой горе (там расположен центр «Ринпоче Багша». — *Д. А.*) черти устроили шабаш. Говорят, там в ресторане Цынгуева, у ученика и спонсора нашего оппонента Еши Лодоя, Цыденов любит угощать гостей. Если так, здесь уже раскол» [Хамбо лама: «На Лысой горе...», 2019].

Подобная публикация свидетельствует об убежденности Хамбо ламы в том, что, став лицом государственного уровня, он приобрел в республике статус более влиятельный и значимый, чем статус члена правительства и

главы республики. В отличие от работы правительства по развитию региона, инициативы Сангхи почти всегда широко освещаются в СМИ, особенно в Интернете, поскольку представляют интерес для рядовых читателей. Так, недавний проект Хамбо лама по добыче биогаза из навоза уже успешно реализуется, пройдя стадию испытаний. Планируется, что этим газом сначала будет обогреваться здание Дворца Будды Ваджрасаттвы на месте Хилгантуйского дацана в Кяхтинском районе. В перспективе газ будет использоваться для получения тепла и электричества во всех дуганах БТСР. Кроме того, планируется, что в будущем по этой технологии будет производиться также и биотопливо для автомобилей, а отходы производства станут экологическим удобрением. Насколько реализуем подобный проект, пока неизвестно, но факт начала работы над ним, по меньшей мере, свидетельствует о том, что Хамбо лама — человек действия.

Последний год показал, что религиозные деятели и светские власти способны найти взаимопонимание в чрезвычайных обстоятельствах. В начале пандемии Хамбо лама назвал ее символом смутного времени [Хамбо лама назвал ..., 2020], однако, как и большинство сограждан, надеялся, что распространение коронавируса будет незначительным, а число заболевших в Бурятии не превысит 100 человек (в настоящий момент, в апреле 2021 года, число выявленных случаев приближается к 37 тыс.). Тем не менее уже в начале 2020 года в дацанах и дуганах, относящихся к БТСР, были введены строгие дистанционные ограничения для лам и прихожан, введен масочный режим. А перед Сагаалганом 2021 года (Новый год по лунному календарю) Хамбо лама лично призвал верующих оставаться дома и не посещать храмы. Так руководитель Сангхи поддержал меры российских и региональных властей, которые в ноябре 2020 года вынуждены были пойти на введение регионального двухнедельного локдауна, первого в России после режима нерабочих дней.

4. Заключение

Таким образом, бурятская буддийская община, пройдя через несколько веков своего становления, организационного оформления, складывания принципов сосуществования с российским государством, в настоящее время сохраняет культурно-исторические традиции и участвует в политических и социокультурных процессах и практиках современности. Буддизм является самым значимым маркером Республики Бурятия, хотя буряты составляют в ней только 27 % населения.

Отличительной особенностью постсоветского пространства является непротиворечивое сочетание двух тенденций в культурно-религиозной сфере: десекуляризации общественного и индивидуального сознания

вследствие коренных изменений идеологического ландшафта в стране и одновременно — секуляризации религиозных институтов, успешно встраивающихся в различные области светской общественной жизни. Важным условием успеха БТСР явилось избрание на пост руководителя Хамбо ламы Дамбы Аюшеева, сыгравшего значительную роль в становлении бурятской Сангхи как главной буддийской общины России и распространившего ее влияние не только на всю этническую Бурятию, но и на другие регионы страны. Его несомненной заслугой как защитника бурятской культуры является реальная деятельность по сохранению и развитию традиционного хозяйствования, что призвано способствовать удержанию населения сельских местностей от миграции. Он неустанно борется за сохранение бурятского языка в его диалектном разнообразии. Хамбо лама вступает в диалог с властями и заставляет их считаться с собой и с общиной. Его многочисленные проекты, вне зависимости от того, насколько они успешны, представляют собой социальные эксперименты, нацеленные на достижение процветания республики и ее полиэтнического народа. Решение светских социальных задач, по мнению Хамбо ламы, является путем религиозного спасения не в меньшей степени, чем буддийская проповедь и философия.

Огосударствление и существенный рост авторитета Сангхи приводят к стремлению лидеров религиозной общины влиять на разные стороны экономической и социокультурной жизни Бурятии. Конкурентная борьба с общинами, созданными иностранцами, является продолжением традиции, заложенной еще в период империи, а вот стремление подчинить себе немногочисленные местные буддийские группы, не входящие в состав Сангхи, стало отличительной особенностью современности. Приметой сегодняшнего дня является и конфронтация со светскими властями. Повод для конфликтов связан, в частности, с недостаточной материальной поддержкой экономических начинаний Сангхи для сохранения бурятской деревни и ее хозяйственной деятельности. Также критике подвергается по преимуществу формальный подход властей к защите бурятского языка и иных аспектов бурятской культуры. Являясь центром российского буддизма, имеющим общины во многих городах России, и пользуясь поддержкой руководства страны, БТСР полагает, что в Бурятии государственные структуры обязаны следовать ее рекомендациям, поскольку Сангха является проводником государственной политики в регионе. Таким образом, причина противостояния между Сангхой и властями Бурятии, особенно ее главой, состоит, на наш взгляд, в стремлении первой укрепить свои позиции и в результате оказывать большее влияние на различные стороны жизни республики.

Источники и принятые сокращения

1. *Андреева О.* Так говорит Хамбо лама. Как, разводя баранов, выйти из круга пере-рождений / *О. Андреева* // Русский репортер. — 2013. — № 18—19. — С. 46—53.
2. *Махачкеев А.* Хамбо Лама Аюшеев : «Битва за язык и кочевое хозяйство бу-дет долгой» [Электронный ресурс] / *А. Махачкеев*. — 2017. — Режим доступа : <http://asiarussia.ru/persons/17956/> (дата обращения 11.11.2020).
3. *Приймак А.* Губернатора и ламу поссорила неблагоприятная сансара / *А. Приймак* // НГ Религии. — 20 ноября 2019. — С. 1, 14.
4. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 821. Оп. 133. Д. 426. Л. 12 (микрофильм).
5. *Родионов Д.* Экс-хамбо-лама Чой-Доржи Будаев : «Бурятия не готова к визиту Далай-ламы!» [Электронный ресурс] / *Д. Родионов*. — 2014. — Режим доступа : <https://ulan.mk.ru/articles/2014/08/27/ekskhambolama-choydorzhi-budaev-buryatiya-ne-gotova-k-vizitu-dalaylamy.html> (дата обращения 14.11.2020).
6. *Хамбо лама* : «Голодный бурят не думает о Будде» [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа : <https://burunen.ru/blogs/51790-khambo-lama-golodnyy-buryat-ne-dumaet-o-budde/> (дата обращения 25.11.2020).
7. *Хамбо Лама* : «На Лысой горе черти устроили шабаш» [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа : <https://www.baikal-daily.ru/news/19/376509/> (дата обращения 27.11.2020).
8. *Хамбо Лама* назвал коронавирус символом смутного времени [Электронный ре-сурс]. — 2020. — Режим доступа : <https://orda-info.online/hambo-lama-nazval-koronavirus-simvolom-smutnogo-vremeni/> (дата обращения 20.11.2020).
9. *Хамбо лама* о главе Бурятии и его зампреде : «Этих двух я на порог даца-на не пушу» [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа : <https://ulan.mk.ru/social/2019/10/03/khambo-lama-o-glave-buryatii-i-ego-zamprede-etikh-dvukh-ya-na-porog-dacana-ne-pushhu.html> (дата обращения 22.11.2020).
10. *Хамбо лама XXIV (Аюшеев, Дамба Бадмаевич ; 1962-)*. Мысли наедине : вы-держки из речей / *Хамбо лама* ; [сост. *А. В. Махачкеев*]. — Улан-Удэ : НоваПринт, 2013. — 112 с. — ISBN 978-5-91121-081-6.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаева Л. Л.* Буддизм в этнической Бурятии : ретроспектива развития / *Л. Л. Абаева* // Власть. — 2015. — Том 23. — № 9. — С. 172—176.
2. *Амоголонова Д. Д.* Банальная религиозность и религиозная вера в этнонацио-нальной идентичности современных бурят / *Д. Д. Амоголонова* // Studia Culturae. — 2013. — Выпуск 18. — С. 145—158.
3. *Амоголонова Д. Д.* Буддизм в Бурятии : российское государство и конфессио-нальная конкуренция / *Д. Д. Амоголонова* // Страны и народы Востока. — 2015. — Вы-пуск 36. — С. 5—41.
4. *Амоголонова Д. Д.* Буддизм в современном бурятском национально-культурном воз-рождении / *Д. Д. Амоголонова* // Религиоведение. — 2008. — № 3. — С. 111—127.
5. *Амоголонова Д. Д.* Бурятская этничность в контексте социокультурной модерни-зации (постсоветский период) / *Д. Д. Амоголонова, И. Э. Елаева, Т. Д. Скрынникова*. — Иркутск : Радиан, 2005. — 246 с. — ISBN 5-93219-054-7.

6. Бадмацыренов Т. Б. Буддийское возрождение и конструирование буддийского общества в современной Бурятии / Т. Б. Бадмацыренов, В. А. Родионов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2020. — № 1 (38). — С. 62—85. — DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>.

7. Бильтрикова А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе / А. В. Бильтрикова. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. — 89 с.

8. Буддизм и социорелигиозные процессы в России и Монголии / Т. Б. Бадмацыренов, Л. Л. Абаева, И. Г. Актамов, Д. Д. Бадараев. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2016. — 192 с. — ISBN 978-5-9793-0965-1.

9. Ванчикова Ц. П. Тибетцы в Бурятии : новый феномен в этническом и культурном многообразии республики / Ц. П. Ванчикова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия : Филология, история, востоковедение. — Чита : ЗабГУ, 2012. — Выпуск 2. — С. 128—135.

10. Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия / Д. Ц. Будаева, З. Р. Мэрдыгеев, Н. Ц. Хантургаева, Л. М. Итигилова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. — 139 с.

11. Герасимова К. М. Об исторических формах национальной культуры бурят / К. М. Герасимова // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия : сборник статей. — Улан-Удэ : Бурятский науч. центр СО РАН, 1995. — С. 38—50.

12. Жамбалова С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии / С. Г. Жамбалова // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2. — С. 87—93.

13. История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985—1999 годах / под общ. ред. Н. Г. Очировой. — Элиста : Мин-во образования, культуры и науки Республики Калмыкия, 2011. — 392 с.

14. Манзанов Г. Е. Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX — начале XXI в. / Г. Е. Манзанов // Вестник БГУ. — 2012. — № 7. — С. 133—135.

15. Мухина В. С. Многовековое таинство духовного роста : буддизм Бурятии / В. С. Мухина // Развитие личности. — 2010. — № 2. — С. 99—124.

16. Amogolonova D. D. Buddhism in the Russian desecularization processes (materials of Buryatia) / D. D. Amogolonova // Religijski-filozofiski raksti. — 2019. — № XXVI. — Pp. 68—81.

MATERIAL RESOURCES

Andreeva, O. (2013). So says the Hambo Lama. How to get out of the circle of rebirth by breeding sheep. *Russian reporter*, 18—19: 46—53. (In Russ.).

Hambo Lama about the head of Buryatia and his deputy chairman: “I will not let these two on the threshold of dastan”. (2019). Available at: <https://ulan.mk.ru/social/2019/10/03/khambo-lama-o-glave-buryatii-i-ego-zamprede-etikh-dvukhya-na-porog-dacana-ne-pushhu.html> (accessed 22.11.2020). (In Russ.).

Hambo Lama called the coronavirus a symbol of the time of troubles. (2020). Available at: <https://orda-info.online/hambo-lama-nazval-koronavirus-simvolom-smutnogo-vremeni/> (accessed 20.11.2020). (In Russ.).

Hambo Lama: “On the Bald Mountain, the devils arranged a sabbath”. (2019). Available at: <https://www.baikal-daily.ru/news/19/376509/> (accessed 27.11.2020). (In Russ.).

- Hambo Lama XXIV. (2013). *Thoughts alone. Excerpts from speeches*. Ulan-Ude: NovaPrint. 112 p. ISBN 978-5-91121-081-6. (In Russ.).
- Hambo lama: “The hungry Buryat does not think about the Buddha”. (2017). Available at: <https://burunen.ru/blogs/51790-khambo-lama-golodnyy-buryat-ne-dumaet-o-budde/> (accessed 25.11.2020). (In Russ.).
- Makhachkeev, A. (2017). *Khambo Lama Ayusheev: “The battle for the language and nomadic economy will be long”*. Available at: <http://asiarussia.ru/persons/17956/> (accessed 11.11.2020). (In Russ.).
- Priymak, A. (2019). The governor and the lama quarreled unfavorable samsara. *NG Religion*, 20: 1, 14. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. F. 821. Op. 133. d. 426. L. 12 (microfilm). (In Russ.).
- Rodionov, D. (2014). *Ex-hambo Lama Choi-Dorji Budaev: “Buryatia is not ready for the visit of the Dalai Lama!”*. Available at: <https://ulan.mk.ru/articles/2014/08/27/ekskhambolama-choydorzhi-budaev-buryatiya-ne-gotova-k-vizitu-dalaylamy.html> (accessed 14.11.2020). (In Russ.).

REFERENCES

- Abaeva, L. L. (2015). Buddhism in ethnic Buryatia: a retrospective of development. *Power* 23 (9): 172—176. (In Russ.).
- Amogolonova, D. D. (2008). Buddhism in the modern Buryat national and cultural revival. *Religious studies*, 3: 111—127. (In Russ.).
- Amogolonova, D. D. (2013). Banal religiosity and religious faith in the ethnonational identity of modern Buryats. *Studia Culturae*, 18: 145—158. (In Russ.).
- Amogolonova, D. D. (2015). Buddhism in Buryatia: the Russian state and confessional competition. *Countries and peoples of the East*, 36: 5—41. (In Russ.).
- Amogolonova D. D. (2019). Buddhism in the Russian desecularization processes (materials of Buryatia). *Religiski-filozofiski raksti, XXVI*: 68—81.
- Amogolonova, D. D., Elaeva, I. E., Skrynnikova, T. D. (2005). *Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (post-Soviet period)*. Irkutsk: Radian. 246 p. ISBN 5-93219-054-7. (In Russ.).
- Badmatsyrenov, T. B., Abaeva, L. L., Aktamov, I. G., Badaraev, D. D. (2016). *Buddhism and socio-religious processes in Russia and Mongolia*. Ulan-Ude: BSU Publishing House. 192 p. ISBN 978-5-9793-0965-1. (In Russ.).
- Badmatsyrenov, T. B., Rodionov, V. A. (2020). Buddhist revival and construction of the Buddhist community in modern Buryatia. *State, religion, Church in Russia and abroad*, 1 (38): 62—85. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>. (In Russ.).
- Biltrikova, A. V. (2001). *Buryat national intelligentsia at the present stage*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 89 p. (In Russ.).
- Budaeva, D. Ts., Merdygeev, Z. R., Khanturgaeva, N. Ts., Itigilova, L. M. (2010). *Questions of preservation and development of tolerance, problems of civil activity of the population of the Republic of Buryatia*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 139 p. (In Russ.).
- Gerasimova, K. M. (1995). About the historical forms of the national culture of the Buryats. In: *National intelligentsia, clergy and problems of social and national revival of the peoples of the Republic of Buryatia: collection of articles*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the SB RAS. 38—50. (In Russ.).

- Manzano, G. E. (2012). Dynamics of religiosity in ethnic Buryatia in the end of XX — beginning of XXI century. *Vestnik BSU*, 7: 133—135. (In Russ.).
- Mukhina, V. S. (2010). Centuries-old mystery of spiritual growth: Buddhism in Buryatia Republic. *Personal Development*, 2: 99—124. (In Russ.).
- Ochirova, N. G. (ed.). (2011). *History of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985—1999*. Elista: Ministry of Education, Culture and Science of the Republic of Kalmykia. 392 p. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P. (2012). Tibetans in Buryatia: a new phenomenon in the ethnic and cultural diversity of the Republic. *Scientific Notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies*, 2. Chita: ZabGU. 128—135. (In Russ.).
- Zhambalova, S. G. (2011). Folk Buddhism in the modern Buryatia S. G. Gambarova. *Humanitarian vector*, 2: 87—93. (In Russ.).